

Борька упрекал дедушку в недалёковидности. Надо же, взял и... умер. И никого не предупредил о своих намерениях. Умирать дедушка, конечно, не хотел, но наверняка догадывался, что час его близок, а кормить Борьку будет некому. Мог бы хоть в зоопарк отнести. Хотя, наверное, не мог – ходил плохо, продукты сердобольная соседка приносила. Заодно и его, Борьку, жалела: пропадет, мол, идиот говорящий, без деда то. Пропадать Борька не хотел. За окном – зима. В квартире – пустота. «Кррасота», – мрачно гаркнул Борька и съежился. Зеркало было затянуто непрозрачной тряпкой. Соседка постаралась. Борька изловчился и стянул тряпку на пол. В комнате сразу стало светлее. Морщинистой крючковатой лапой Борька шлепнул по кнопке радиоприемника: метод отработанный – пожелтевшую пластиковую клавишу с чуть оплывшими краями Борька освоил еще в девяносто пятом, когда дедушка – тогда еще капитан первого ранга – привез его, маленького сине-желтого ару, из прокопченной солнцем Аргентины в ветреный российский город с труднопроизносимым названием. Дедушка любил крепкий – с кисловатым душком – кофе и запивал его разбавленным белым вином. Борька пристрастий хозяина не разделял, поэтому трещал козинаками и радовался редким кружкам перезревшего банана. Динамик радиоприемника фыркнул, захрипел и начал выдавать обрывки фраз: –

Владимир Путин посетил строящиеся Олимпийские объекты...

Несовершеннолетние в Челябинске ограбили сигаретный киоск... В Москве прошел первый легальный гей-парад...

– Идиоты, – задумчиво закряхтел Борька дедушкиным голосом. – Вовка – молодец. Геи – идиоты.

Радио продолжало трещать, но попугай уже потерял к нему интерес: теперь его занимал подтекающий кран. Борька про себя отметил, что все-таки дедушка о нем позаботился – без воды не оставил. Захотелось есть: соседка не приходила уже три дня, овес в кормушке закончился, а яблочный огрызок, воткнутый между стальными прутиками, высох. На полу, под пустым мусорным ведром, валялись хлебные крошки, – почерневшие, но ароматные и способные на время притупить чувство голода. Борька жадно подхватывал сдобную пыль, упираясь цепким клювом в линолеум, и представлял, что это не крошки вовсе, а соленые кедровые орехи. Борька помнил, как в первый день дедушка посадил его на запястье и подал на ладони горсть похожих на жирных личинок орешков. Именно с них – молочно-желтых семян сибирского кедра – началось знакомство Борьки с новым домом.

После дедушкиной необдуманной смерти драцена осталась единственным Борькиным другом. Он часами раскачивался на ее всклокоченной кроне, представляя себя в родном лесу. Драцена не возражала. Будучи растением благородным и даже немного ядовитым, она точно знала, что обдирать кору ара не будет. К тому же, драцена была благодарна Борьке за его почти человеческую заботу: попугай, подгоняемый неведомыми инстинктами, приносил в клюве несколько капель воды и даже ухитрился прикрыть форточку, чтобы тропическая подруга не замерзла.

Примостившись на пышной шевелюре драцены, Борька смотрел в окно и думал о том, что там, за твердой прозрачной перегородкой, растут кедровые деревья, облепленные хрустящими шишками. Можно же слетать – туда и обратно. Это займет не больше десяти минут, зато он будет сыт. Борька похвалил себя за сообразительность, приоткрыл форточку, содрал потемневшую от уличной пыли марлю и с криком «Борррис, ты не прррав!» впервые за семнадцать лет вылетел наружу.

\*\*\*

Сева Кулебякин считал, что бросаться из окна – недальновидно. Его, натуру артистическую, а потому – склонную к излишней рефлексии, пугало все некрасивое. А назвать красивой лужу крови язык не поворачивается. Хотя, с другой стороны, истинный художник может

черпать вдохновение в расплывшейся кляксе. Поппибрайтово, без сомнения, но за это платят.

Севина муза уже не первый день находилась в оплачиваемом отпуске (а как еще назвать ее хамское исчезновение с кредитной карточкой и набором винтажных вилок?), что рабочему процессу никак не способствовало. Не то что бы Севе было жаль вилок, но музино предательство больно било по самолюбию. Гениев в городке – раз, два и обчелся, а она нос воротит.

Написать крах всего сущего (или же хаос в лучшей из его форм) Сева придумал еще в детстве, но все как-то руки не доходили: то плакат для кинозала состряпай, то соседского митрофанушку к поступлению в художественное подготовь. Деньги, конечно, немалые. И с жильем помогли. Не в столице, правда, а здесь – на выселках. Хотя ему, Севе, морозные дни были в тягость. Истинное искусство тянется к солнцу: оно питается воспоминаниями о лете, тоскует по увядающим цветам, вплетенным в венок юной прелестницы, босиком бегущей по душистой ниве... Мороз и солнце восхваляют только поэты, а художников зимний ландшафт гонит к урологу. Против последних Сева ничего не имел, но заснеженные виды писал из окна.

Почтенная Анна Степановна (вот уж чудо-человек!) – экс-сталинистка и истовый борец с новым режимом, попутно ударившаяся в религию, - сбжавшую Севину музу нахваливала: и умница, и красавица, и замужем всего один раз была. Отказываться было как-то не прилично. Однако, поняв, что Кулебякин – патологически холост, муза оперативно упаковала вилки (в качестве платы за безвозвратно потерянные недели) и исчезла в направлении третьего микрорайона.

Сева чувствовал себя идиотом: предупреди он музу о своей ориентации заранее, глядишь, похищения можно было избежать. Но хорошее воспитание и нежелание самостоятельно готовить вынудили Кулебякина на сделку с совестью: терпел он, терпела муза, терпел Юрасик, которому была поставлена задача – потерпеть до получения Севой какой-нибудь мало-мальски значимой премии за творческие заслуги перед Отечеством. Юрасик Севиными экзерсисами искренне восхищался, поэтому смиренно верил в успех и терпел. «Понять ранимую душу художника может только истинно родственная душа», – думал Юрасик и, тяжело вздыхая, натянуто улыбался румяной музе, благодаря которой однажды Сева переплюнет Роберта Шерера и Юрочку Альберта.

Кулебякин вынужденное расставание переживал тяжело: звонил по ночам и тихо дышал в трубку, пока разбуженный Юрасик ненормативно

и даже как-то по-детски обиженно возмущался; посылал любимому букеты белоснежных кал и плюшевых медвежат с шелковым сердцем в мохнатых лапках; звонил на радио и в прямом эфире клялся в вечной любви. Сева талантливо рефлексировал, а Юрасик терпеливо воздерживался. Наконец, и его терпение лопнуло: ровно за сутки до побега клептоманки-музы Юрасик отправил к Севе курьера из кондитерской, вручившего художнику пропитанный дешевым ромом торт в форме обрамленной взбитыми сливками задницы, и иммигрировал в более лояльную ко всему творческому Москву.

...Решение броситься из окна возникло спонтанно. Сева уткнулся носом в холодное стекло стеклопакета (врут все, что оно не промерзает!) и посмотрел на землю. На надтреснутом асфальте, кое-где замаскированном проплешинами сизой наледи, лежала яркая синяя тряпка. Больше всего на свете она напоминала крах всего сущего.

\*\*\*

То, что лететь в никуда было, мягко говоря, недальновидно, Борька понял, только оказавшись за пределами теплой квартиры. Летать ара умел (и довольно ловко), но мороз оказался слишком сильным: пролетев пару сотен метров и попутно показав язык изумленной вороне, Борька камнем рухнул на землю и приготовился воочию познакомиться с духами предков.

\*\*\*

Выйду в симбирское утро.

Стринги давят на совесть.

Прощай, Мураками!

Кулебякин не верил своему везению. Нервно дергая кнопку лифта, он молился, чтобы прекрасное видение не исчезло. К счастью, ультрамариновое пятно было на месте: его очертания художник мог угадать, даже сбегая по ступеням благоустроенного подъезда (паршивый новодел: традиционно отмыли спонсорские бабки, а приз вручили пятнадцатому дому).

Спотыкаясь о ледяные корки на асфальте, Кулебякин подбежал к будущему шедевру и опешил: перед ним лежала крупная птица – из тех, чье праздничное оперение привлекает посетителей городских зверинцев и ностальгирующих аниматоров.

Птица была мертвой, а потому – невероятно стильной (премия Леси Украинки точно обеспечена!). Дрожащими руками Сева приподнял

пахнувший летом и амазонскими культами трупик, воровато засунул его подмышку и устремился обратно в мастерскую.

\*\*\*

Приходить в себя Борька не хотел. Ему снились теплые края, где на рослых пальмах топорщатся кедровые шишки, и десятки крылатых собратьев танцуют танго на крышах Сантьяго-дель-Эстеро. От приятных сновидений Борьку отвлек резкий запах. Ара нехотя открыл правый глаз и увидел мужичка, суетливо размазывающего краски по дешевому холсту.

Сева боялся не успеть: комнатная температура рано или поздно сделает свое дело – замерзшая тушка оттает и наполнит помещение терпким ароматом тлена. А это некрасиво. Писать надо было быстро, чтобы каждое перышко, каждая ворсинка выглядела натурально. Чтобы предатель-Юрасик понял, что, потерпи он еще немного, они были бы богаты и счастливы. Они купили бы билеты в Лондон, где не надо ни перед кем отчитываться и притворяться слесарями, завели бы ребенка и указали в его свидетельстве о рождении нейтральное «родитель». Они бы...

Борька пошевелился. Левое крыло болело, но на фоне неминуемой гибели этот нюанс казался мелочью. Наклонив голову, попугай подумал, что этот напыщенный идиот-magíson, должно быть, также одинок, как и он, Борька. Начиналась новая жизнь.

Алматы, 2012